

На правах рукописи

Рафикова Янина Валерьевна

**СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ**

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Михаил Федорович Обыденнов;

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Владимир Степанович Горбунов,

кандидат исторических наук,
доцент
Никита Сергеевич Савельев;

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Южно-Уральский университет» (г. Челябинск).

Защита состоится «27» января 2009 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1. корпус 2, ауд._____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корпус 2.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. н., доцент

Г.Н.Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Обряд совместных (неодиночных) захоронений можно причислить к одному из феноменов погребальной практики человеческих сообществ. К категории неодиночных захоронений относятся двойные, тройные и коллективные (содержащие более трех погребенных)¹.

Неординарность подобного рода захоронений вынуждает исследователей искать возможные объяснения этому явлению. Наиболее распространенные версии сводятся к двум основным вариантам – во-первых, как последствиям трагических событий, включая болезни, природные и социальные катаклизмы, во-вторых, как проявлениям сложного обряда, связанного с определенными культами². Совместные погребения выступают источниками по изучению особенностей социально-семейной структуры и по реконструкции мировоззрения древних обществ.

Южный Урал является контактной зоной двух огромных культурных образований позднего бронзового века – срубной и алакульской КИО, игравших значительную роль в истории эпохи бронзы Евразии. Наиболее массовым обрядом, практиковавшимся населением Южного Урала этого времени был обряд одиночного захоронения. Однако имеется достаточно яркая серия совместных захоронений, которым посвящено настоящее исследование. Результаты их изучения будут значимыми для огромной территории – от Северного Причерноморья на западе до Енисея на востоке, от подтаежной зоны Сибири на севере до пустынь Средней Азии на юге. Выбор для анализа корпуса совместных погребений в культурах именно стабильной фазы культурогенеза, обусловлен существованием в этот период устойчивой традиции во всех компонентах культуры, в том числе и в погребальной обрядности.

Объектом исследования является погребальный обряд, как составная часть материальной и духовной культуры населения эпохи поздней бронзы Южного Урала.

Предметом исследования выступают совместные захоронения позднебронзовой эпохи Южного Урала, как составная часть

¹ Смирнов, Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М., 1997. – 280 с. – С.71–72.

² Бужилова, А.П. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. – М., 2004. – С.21–35.

погребального обряда срубного, срубно-алакульского и алакульского населения рассматриваемой территории.

Территориальные рамки исследования охватывают южноуральский регион. В ландшафтном отношении это зона лесостепей и степей, с запада и востока примыкающая к Уральскому хребту. Памятники срубной культуры концентрируются преимущественно в бассейне р. Белой, срубно-алакульские – в верхнем течении р. Урал, алакульские – по западным притокам р. Тобол и в среднем течении р. Урал. В приложении к современному административно-территориальному делению это территория Республики Башкортостан, Челябинской области, Оренбургской области северо-западных районов Курганской области, северных районов Западно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Хронологические рамки исследования охватывают 2-й период позднего бронзового века (ПБВ-2) по принятой на сегодняшний день относительной хронологии эпохи бронзы восточно-европейской лесостепи. Абсолютная хронология исследуемых комплексов определяется в пределах XVIII–XV вв. до н.э.

Степень научной разработанности темы. Проблема совместных погребений позднебронзовой эпохи Южного Урала практически не освещена в литературе. Большинство исследователей ограничивались лишь публикацией материалов могильников, в составе которых имелись совместные погребения.

Вместе с тем, парные погребения из могильников Западного Казахстана и Восточного Оренбуржья явились частью источниковой базы дискуссии 50–70-х гг. прошлого столетия о содержательной стороне таких захоронений эпохи палеометалла Евразии и о реконструкции на их основании форм семьи и общественных отношений¹. Историографический анализ данной дискуссии содержится

¹ Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – Вып. XXVI. – М., 1957; Итина М.А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СЭ. - 1954. № 3; Она же. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // МХЭ. Вып.5. – М. 1961; Она же. История степных племен Южного Приаралья. – М. 1977; Сорокин, В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. № 120. - М., 1962; Кузьмина Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. № 97. – М., 1964; Мандельштам, А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА № 145. – Л., 1968; Максименков, Г.А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской

в параграфе 1 главы I. После завершения дискуссии более ни один из исследователей не использовал южноуральские совместные захоронения эпохи поздней бронзы для решения каких бы то ни было проблем и они не входили в круг интересов ни одного из исследователей. В то время возможности интерпретации совместных захоронений казались исчерпанными.

В последние годы вновь стал проявляться интерес специалистов к рассматриваемой теме, обусловленный открытием ярких синташтинских могильников начальной фазы культуругенеза (периода ПБВ-1), в составе которых имеются и совместные захоронения. Индикатором этого интереса выступают небольшие по объему разделы в обобщающих работах южноуральских археологов, где рассматривается, прежде всего, мировоззренческий аспект совместных (опять-таки, в основном, парных) захоронений. Так, Д.Г.Зданович реконструирует мифологическое содержание этих захоронений, в которых, по его мнению, доминирующим выступает женское начало (1997). А.В.Епимахов предполагает возможным воплощение в них оргиастических ритуалов, связанных с идеей обеспечения плодородия (2002). В.В.Ткачев, оставляя за рамками семантические сюжеты, подчеркивает отсутствие соподчиненности погребенных в совместных захоронениях и ставит вопрос о причинах возникновения таких погребений (2007).

Можно назвать только одну работу, в которой имеется раздел, посвященный совместным захоронениям южноуральского региона стабильной фазы (ПБВ-2). Н.Г.Рутто дала перечень могильников с двойными (в т.ч. парными) и тройными захоронениями синташтинской, потаповской, срубной, алакульской, тазабагьябской культур, без анализа этих захоронений, исследовательница лишь привела о них известные мнения специалистов. Причину появления данного обряда автор объяснила многокомпонентностью формирования памятников. Она также отметила, что в большей части парных погребений Бельско-Уральского междуречья содержался смешанный срубно-алакульский инвентарь и эти захоронения находились в составе памятников срубно-андроновско-го типа¹.

котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974; Массон, В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976.

¹ Рутто, Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. – Уфа, 2003. – С. 89–95.

Таким образом, совместные погребения стабильной фазы позднего бронзового века Южного Урала никогда не выступали самостоятельным объектом научного анализа.

Цель исследования состоит во всестороннем источниковедческом анализе совместных погребений в культурах позднебронзовой эпохи Южного Урала, которая позволит установить особенности обряда совместных захоронений в срубных, алакульских и срубно-алакульских могильниках рассматриваемой территории.

Поставленная цель предопределяет решение следующих **задач**:

– осуществить историографический анализ работ, посвященных совместным захоронениям Северной Евразии, выработать методику исследования и определить хронологию совместных захоронений поздней бронзы Южного Урала;

– создать классификацию совместных захоронений Южного Урала и типологию наиболее представленных среди совместных захоронений двойных погребений;

– охарактеризовать срубные, срубно-алакульские и алакульские совместные погребения по основным параметрам погребального обряда и осуществить их сравнительный анализ с целью установления сходства и различий;

– интерпретировать содержательную сторону обряда совместных захоронений.

Источниковую базу исследования составляют все известные на сегодняшний день совместные погребения позднебронзовой эпохи Южного Урала, которых насчитывается 180, что составляет примерно 8 % от числа всех погребений ПБВ-2 на рассматриваемой территории. В работе использованы материалы из раскопок 1914 г. В.Я.Толмачева, 1920-1930-х гг. Б.Н.Гракова, М.П.Грязнова, С.Н.Дурьлина, Г.В.Подгаецкого, 1950-1960-х гг. А.В.Збруевой, Е.Е.Кузьминой, Н.А.Мажитова, Г.И.Матвеевой, А.И.Россадович, К.В.Сальникова, К.Ф.Смирнова, В.С.Сорокина, В.С.Стоколоса, Э.А.Федоровой-Давыдовой, 1970-1980-х гг. С.В.Богданова, С.М.Васюткина, Н.Б.Виноградова, В.С.Горбунова, И.В.Денисова, Р.Б.Исмагилова, Н.М.Ледяева, Н.Л.Моргуновой, Ю.А.Морозова, Р.Г.Ниг-матуллина, М.Ф.Обыденнова, Г.Т.Обыденновой, О.И.Пороховой, В.В.Ткачева, 1990–2000 гг. Б.Б.Агеева, В.Н.Васильева, Г.Н.Гарустовича, И.Э.Люб-чанского, Ф.А.Сунгатова, В.К.Федорова. К работе привлекались публикации и архивные материалы, хранящиеся в фондах Института археологии РАН, Института истории языка и литературы УНЦ РАН, Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН, Главного управления государственной

охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МКиНП РБ.

Часть захоронений (10) исследована при участии автора в 1994 г. и в качестве руководителя раскопок в 2000 г.

Методология и методика исследования.

Методологической основой работы является комплексный подход, основанный на принципах объективности и историзма. Он состоит в максимально полном использовании познавательных возможностей при изучении совместных погребений. Исходя из поставленных задач определялись и *методы* исследования: формально-типологический, сравнительного анализа, а также были применены процедуры статистического анализа. Формально-типологический метод позволил по морфологическим признакам типологизировать наиболее массовые среди совместных захоронений двойные погребения. Применение метода сравнительного анализа позволило выявить сходства и различия совместных захоронений в рассматриваемых культурах. Процедуры статистического анализа позволили объективно и наглядно представить количественные характеристики признаков погребального обряда совместных захоронений.

Научная новизна работы состоит в том, что корпус совместных погребений данной территории впервые выступает как предмет самостоятельного анализа.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что ее результаты позволят обеспечить археологические и исторические исследования конкретной достоверной информацией об одной из разновидностей погребений, входящих в круг основных археологических источников. Предложенная в работе типология двойных погребений может быть использована в дальнейших исследованиях, посвященных изучению различных аспектов совместных захоронений. Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы при написании обобщающих работ по древней истории Южного Урала и Северной Евразии в целом, при чтении общих и специальных курсов по археологии и древней истории, а также в построении музейных экспозиций.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Особое место совместных захоронений в системе погребальной обрядности населения эпохи поздней бронзы Южного Урала.

2. Существование двух типологически различных обрядовых групп двойных захоронений, отличающихся как морфологически, так и по содержанию – I и II типы двойных погребений.

3. Приуроченность каждого из типов к определенной культуре позднего бронзового века – I типа к алакульской культуре, II типа к срубной культуре. Равномерная представленность обоих типов в миксированных срубно-алакульских памятниках.

4. Интерпретация погребений I типа как захоронений супружеских, брачных пар, интерпретация погребений II типа как захоронений людей с иной степенью родственной близости – «родители-дети», сиблинги.

5. Отсутствие достоверных данных о намеренном умерщвлении каких-либо категорий покойных в совместных погребениях.

7. Главный фактор бытования совместных погребений - одновременная смерть в результате естественных причин двух или нескольких человек.

Апробация работы. Основные положения работы отражены в докладах и выступлениях на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: XV Уральском археологическом совещании (Оренбург, 2001), на конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (Самара, 2001), XVI Уральском археологическом совещании (Пермь, 2003). Результаты исследований отражены в 9 опубликованных работах по теме диссертации.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, двух приложений, содержащих карты, рисунки, таблицы, графики.

Основное содержание работы

Во *введении* обосновывается актуальность темы, научная новизна и практическая значимость работы, определяются основные цели и задачи исследования, хронологические и территориальные рамки. Дается краткий обзор неодионых погребений с момента их появления.

Первая глава – «Историография изучения совместных захоронений эпохи палеометалла Северной Евразии, методология и методика исследования и хронология совместных захоронений эпохи поздней бронзы Южного Урала» состоит из трех параграфов.

В параграфе 1 «Историография изучения совместных захоронений эпохи палеометалла Северной Евразии» автором дается

историографический анализ работ, посвященных совместным погребениям севера евразийской территории эпохи палеометалла. Обзор изучения совместных погребений Южного Урала эпохи поздней бронзы возможен лишь в контексте многолетней дискуссии о содержательной стороне таких захоронений, ведущейся уже несколькими поколениями исследователей.

Начиная с В.А.Городцова¹ большинство исследователей полагало, что нужно объяснять совместные погребения насильственной смертью сопровождавших «основного покойника» жен, детей, рабов или слуг. Так, М.И.Артамонов, в большой статье, первой в отечественной историографии, специально посвященной этому феномену², пришел к выводу о том, что совместные погребения возникали в результате умерщвления малолетних детей вследствие смерти матери и убийства женщин для погребения в могилах их мужей. Для придания убедительности данным тезисам, М.И.Артамонов целенаправленно подобрал подобные факты из этнографических материалов самых разных народов.

В последующие годы в результате широкомасштабных раскопок на территории Средней Азии, Западного Казахстана, Восточного Оренбуржья и Южной Сибири были выявлены многочисленные совместные погребения, открытие которых вызвало всплеск интереса к этой проблеме. Трактовка разнополых одновременных погребений, как захоронений мужчин, сопровождаемых умерщвленными несвободными женами (рабынями-наложницами), предложенная М.И.Артамоновым, была экстраполирована на все случаи подобных погребений в разных

¹ Городцов, В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Тр. XII АС. Т. 1. – М., 1905.

² Артамонов, М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. – № 7–8. – Л., 1934. – С.108–125

культурах Евразии¹. Была высказана и противоположная точка зрения о том, что это захоронения равноправных супругов².

После апогея интереса к обряду парных погребений в 1950–1960-е гг. в последующее время внимание к ним заметно снизилось. Возможности использования их для реконструкции социальных и семейных отношений в эпоху бронзы казались исчерпанными³.

В 1970–1990-е гг. целенаправленную разработку проблем, связанных с неодинокими погребениями вела, пожалуй, лишь М.Д.Хлобыстина⁴. Неодиноким погребениям интересовали ее, прежде всего, как памятники первобытного социогенеза. Отдавая должное исследованиям М.Д.Хлобыстиной, отметим, что ее социогенетические реконструкции от работы к работе становились все более и более усложненными, приобретая универсальный характер для разных эпох и

¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Т. 1. – М., 1949. Он же. Древняя история Южной Сибири. Т. 2. – М., 1951. Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – Вып. XXVI. – М., 1957; Итина, М.А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СЭ. – 1954. – № 3; Она же. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // МХЭ. Вып. 5. – М. 1961; Она же. История степных племен Южного Приаралья. – М. 1977.

² Сорокин, В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. № 120. М., 1962; Кузьмина, Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. – № 97. – М., 1964; Максименков, Г.А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974.

³ Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА № 145. – Л., 1968.

⁴ Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» // СА. – 1975. № 4; Она же. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976.; Она же. Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. № 169. – М., 1982; Она же. Андроновские детские могильники как палеосоциологические источники // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985; Она же. Тройные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. № 185. – М., 1986; Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. – СПб, 1993. – 148 с.; Она же. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. – СПб, 1994. – 156 с. Она же. Погребальные ритуалы первобытных эпох. – СПб, 1995. – 138 с.; Она же. Поздний энеолит Южной Сибири в ракурсе социальных структур (могильник Черновая VIII). – СПб, 2003. – 216 с.

территорий. Использование многих ее разработок в приложении к конкретным памятникам и культурам, имеющим свою специфику, встречает трудности.

В 1980-е гг. появились еще две работы, в которых совместные (преимущественно парные) погребения явились предметом специального анализа¹. Семейные и социальные отношения в них реконструировались по тем же схемам, что и ранее.

В 1990-х-2000-х гг. изучение совместных погребений вступило в качественно иную стадию. Появляются работы, в которых интерпретация совместных погребений находится вне социальной сферы. Провозвестником их можно считать статью Л.С. Клейна² о том, что покойные в парных погребениях посмертно воспроизводят ведийский ритуал «дикша», зачиная в половом акте самих себя. Археологи Южного Урала³, следуя за Л.С. Клейном, видят в совместных погребениях, прежде всего, источник для воссоздания мировоззренческих аспектов жизни древних обществ. Кроме того, они объясняют наличие коллективных погребений сохранением «зимних» умерших в специальных помещениях до начала весенне-летнего периода. Примечательно, что в работах этих исследователей вопрос о насильственном умерщвлении каких-то групп погребенных вообще не ставится.

Таким образом, можно констатировать, что научная мысль за более чем сто лет попыток объяснения существования обычая совместных захоронений у населения эпохи средней и поздней бронзы евразийских степей, претерпела очень серьезные трансформации. Взгляды на совместные погребения, как отражение социального и семейного неравноправия, в результате которого умерщвлялись какие-

¹ Рычков, Н.А. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии: Сб. науч. тр. – Киев, 1982; Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. – Душанбе, 1987.

² Клейн Л.С. Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. – Донецк, 1979.

³ Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. – Челябинск, 1997; Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск, 2002; Ткачёв В.В. Степи Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе, 2007.

то группы зависимых людей в обществе или семье, ушли в прошлое. На смену им пришли сложные мировоззренческие интерпретации и решения, основанные на реалиях обыденной жизни. Вместе с тем, нужно сказать, что источниковедческий анализ всего корпуса совместных погребений, лишь в результате которого возможны любые теоретические построения, никем из исследователей до сих пор проделан не был.

В *параграфе 2* «Методология и методика исследования совместных захоронений эпохи поздней бронзы Южного Урала» рассматривается разработанная автором методика исследования совместных захоронений эпохи поздней бронзы Южного Урала. Сначала определяется точное значение используемой в работе терминологии. Необходимость этого диктуется существующим в научной литературе многообразием терминологии, применяемой при описании, классификации и типологизации погребений в которых содержится более чем один костяк. Употребляются термины *коллективные, массовые, групповые, общие, совместные, неодинокные* погребения. Можно встретить и термин *братские могилы*. Погребения с двумя костяками называют обычно *двойными* или *парными*, причем эти термины могут пониматься как синонимы, или же, как разные классификационные единицы. В понятийно-терминологическом отношении особенно ценными являются разработки В.И.Мельника¹, М.Д.Хлобыстиной² и Ю.А.Смирнова³.

Наиболее точно отражающим суть явления представляется термин *совместное* погребение, с уточняющим дополнением – *неодинокное*. Отдельно рассмотрен вопрос о терминах *двойное* и *парное* погребение, строгое определение которых до сих пор является предметом обсуждения в работах одних исследователей, и которые с автоматическим безразличием употребляются другими. С точки зрения автора – *двойное* погребение – любое, в котором находятся два индивида вне зависимости от их пола и возраста. *Парными* же являются только разнополые двойные погребения, в которых покойники положены лицом друг к другу.

¹ Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. – М., 1991. – С. 10, 11.

² Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. – СПб., 1993. – С. 10, рис. 1.

³ Смирнов Ю.А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследования. Тексты. Словарь. – М., 1997. – С. 71–73, 179.

Далее рассматриваются предложенные автором принципы типологии совместных погребений эпохи поздней бронзы Южного Урала. На первоначальном этапе работы совместные погребения в зависимости от количества имеющихся в них останков индивидуумов были разделены на *двойные (в т.ч. парные), тройные и коллективные (более 3-х костяков)*. Для двойных погребений была разработана типология.

Все имеющиеся двойные погребения можно разделить в зависимости от положения погребенных на два типа: к *I-му типу* относятся погребения, где *усопшие располагаются лицом друг к другу*. В погребениях этого типа покойные, как правило, разнополюе, поэтому двойные погребения I типа именуются *парными*. Ко *II-му типу* относятся погребения, где *оба погребенных располагались на одном боку*. Захоронения указанного типа в зависимости от возраста покойников можно подразделить на *одновозрастные – II а* и *разновозрастные – II б*. Внутри группы *II а* выделяются подгруппы – *взрослая (II а1), подростковая (II а2) и детская (II а3)*. Внутри группы *II б*, в свою очередь, в зависимости от взаимного расположения усопших выделяются подгруппы: *II б1 – когда младший умерший находится перед старшим* и *II б2 – когда младший умерший находится за спиной старшего*.

Четыре двойных погребения не относятся ни к одному из выделенных типов. Они описываются как *нетипичные*. Нарушенные погребения (всего 39) описываются как *неопределенные*.

Тройные погребения также распадаются на два типа. К *I-му типу* относятся погребения, где двое из трех *усопших располагаются лицом друг к другу*. Ко *II-му типу* относятся погребения, где *все три погребенных располагались на одном боку*.

Коллективные погребения данной эпохи на Южном Урале крайне немногочисленны (всего 5) и вариативны, и поэтому типологии для них не предложено. Особую группу составляют ярусные погребения.

Затем излагаются предложенные в работе принципы источниковедческого анализа совместных погребений эпохи поздней бронзы Южного Урала. В работе рассматриваются 3 культурные группы: срубная, алакульская и срубно-алакульская. Внутри первых двух выделены по две хронологические подгруппы: раннесрубная, срубная развитого периода, и, соответственно: раннеалакульская и алакульская классического периода. Все срубно-алакульские памятники отнесены к развитому (классическому) периоду. Внутри этих

культурно-хронологических подразделений рассмотрение ведется отдельно по каждому типу погребений.

Для всего массива этих погребений была разработана единая схема, состоящая из основных признаков погребального обряда, в соответствии с которой осуществлялось рассмотрение: ***Расположение на подкурганной площадке. Могильные ямы. Одновременность/разновременность захоронений. Пол, возраст и положение погребенных. Ориентировка погребенных. Инвентарь. Постановка сосудов.***

В конце аналитических глав производится обобщение полученных результатов и подведение итогов проделанной работы. На заключительном этапе проводится сравнительный анализ по рассмотренным позициям всех групп погребений – типологических, хронологических и культурных. При интерпретации использовались только надежно установленные в результате источниковедческого анализа данные. Автор отказался от широкого использования этнографических, фольклорных и прочих данных, на огромные временные промежутки отстоящих от бронзовой эпохи.

В *параграфе 3* «Проблемы хронологии памятников поздней бронзы Южного Урала, содержащих совместные погребения» рассмотрена хронология памятников поздней бронзы Южного Урала, содержащих совместные погребения. У большинства исследователей не вызывает сомнения существование в культурах поздней бронзы Южного Урала нескольких хронологических периодов: раннего, развитого (классического) и позднего. В данной работе автор акцентировал свое внимание, прежде всего, на хронологической позиции могильников, в которых зафиксированы совместные захоронения, как в относительной, так и в абсолютной хронологических шкалах. Здесь имеется очень много спорных моментов – например, одни и те же могильники и даже отдельные комплексы разные авторы относят к разным периодам. С точки зрения относительной хронологии достаточно легко установить, что совместные погребения имеются лишь среди памятников, относимых к раннему и развитому (классическому) периодам. Наиболее сложным является вопрос об абсолютной датировке каждого периода.

В последнее время наметилась тенденция к удревнению всей свиты культур бронзовой эпохи Южного Урала в свете радиоуглеродного датирования. Только для одного анализируемого в данной работе комплекса были получены калиброванные радиоуглеродные даты – п. 5 к. 3 могильника Кулевчи VI – 1880–1690

гг. до н.э.¹. Представляется, что наиболее приемлемой для памятников эпохи поздней бронзы южноуральского региона является локальная шкала абсолютной хронологии разработанная А.В.Епимаховым². В данной работе автор считает правомерным в соответствии с ней выстраивать и абсолютную хронологию анализируемых комплексов. Таким образом, раннеалакульские и раннесрубные памятники будут датироваться концом XIX–XVIII вв. до н.э., а срубные и алакульские развитого этапа – XVII–XV вв. до н.э.

Вторая глава «Совместные погребения в срубных и срубно-алакульских могильниках Южного Урала» состоит из трех параграфов. В ней рассматривается 60 срубных и 27 срубно-алакульских совместных погребений эпохи поздней бронзы Южного Урала.

Параграф 1 «Совместные захоронения в могильниках раннего этапа срубной культуры» посвящен анализу совместных захоронений из 8 могильников раннего этапа срубной культуры. В наиболее полно исследованных могильниках совместные захоронения составляют от 1,6 % до 10,2 %. Всего известно 17 совместных погребений, из них 15 (88,2 %) двойных и 2 (11,8 %) тройных.

К I типу двойных погребений относятся 4 (33,3 %) погребения. Судя по размещению на периферийных участках подкурганых площадок и скромному сопроводительному инвентарю, об особом социальном статусе погребенных говорить не приходится. Разнополюе пары располагались в скорченной позе, тесно прижатые друг к другу. Захоронения одновременны. Вслед за Е.Е.Кузьминой и В.С.Сорокиным мы считаем эти погребения захоронениями супружеских пар. В каждом погребении находились сосуды, которые можно отнести к срубно-алакульским с разной степенью проявления миксации. Прослеживается интересная закономерность: женские костяки ни в одном случае не сопровождалась срубными сосудами, а только срубно-алакульскими, можно предполагать, что в срубную среду были инкорпорированы алакульские женщины.

Двойные погребения II типа – всего 8 (66,6 %) происходят из 5-ти могильников. Большинство захоронений локализовались на периферийных участках подкурганых площадок. Одновозрастных

¹ Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4.

² Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4; Епимахов, А.В. О факторах культурогенеза населения Южного Урала эпохи бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат. III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. – Челябинск, 2006.

захоронений (II а) – 3 (37,5 %), два из них – погребения взрослых (II а1), одно – детское (II а3). Разновозрастных (II б) захоронений – 5 (62,5 %), в 2-х из них младший покойник расположен перед старшим (вариант II б1), в 3-х – младший покойник располагался за спиной старшего (вариант II б2). Все захоронения одновременны. Ни в одном случае не фиксируется подчиненного положения одного усопшего относительно другого. Относительно интерпретации разновозрастных захоронений можно предположить, что погребенные являлись кровными родственниками – например, сиблингами. В разновозрастных захоронениях также наиболее вероятно кровное родство покойных, скорее всего 1-й степени (родители и дети).

Тройные погребения относятся ко II типу.

В параграфе 2 «Совместные захоронения в могильниках развитого этапа срубной культуры» анализируются совместные захоронения в могильниках развитого этапа срубной культуры. Они происходят из 19 могильников, в наиболее полно исследованных из них совместные захоронения составляют от 2,4 % до 22,2 %. Совместных захоронений становится в 2,5 раза больше, чем в предшествующий период – 43, среди них 40 (93 %) двойных, 2 (4,6 %) тройных и 1 (2,3 %) ярусное захоронение, в котором находилось 4 костяка.

Как и в предшествующее время погребения I типа немногочисленны – всего 4 (10,8 %), в керамике 3-х из них фиксируются алакульские традиции. В отличие от раннего периода, где совместные погребения представлены захоронениями взрослых, на развитом этапе имеется одно захоронение детей, которых также можно рассматривать супругами, объединенных обрядом т.н. «люлечного» брака.

Из 32 (86,5%) погребений типа II – 22 (68,7%) относятся к разновозрастным (II а) – 7 взрослых (II а1), 7 подростков (II а2) и 8 детей (II а3). Относительно двойных захоронений взрослых (тип II а1) уместно говорить о социальной составляющей данного обряда, проявляющейся как в размещении могил на подкурганной площадке, так и в различиях в количестве и составе инвентаря. Анализ инвентаря и антропологические определения позволяют предполагать в данных захоронениях погребения однополых индивидов – как женщин, так и мужчин. Подчиненное положение одного усопшего относительно другого не фиксируется. Совместные захоронения подростков (тип II а2) и детей (тип II а3), также как и одиночные захоронения индивидов данных возрастных групп характеризует отсутствие ярко выраженных социально значимых составляющих погребального обряда.

К разновозрастным захоронениям (II б) относятся 10 (31,3 %) погребений. Также как и в предшествующий период они представлены двумя вариантами – II б1 и II б2, однако на развитом этапе пропорция резко отличается от предыдущего этапа: захоронения типа II б2 количественно преобладают (90 %), чем захоронения типа II б1. Общепринятое объяснение захоронений данного типа как погребений матери с ребенком не подтверждается, поскольку, судя по инвентарю, в данных захоронениях находились как женщины с детьми, так и мужчины с детьми. К типу II б2 отнесены также погребения подростков с детьми и разновозрастных детей. В разновозрастных погребениях развитого периода, по-видимому находятся кровные родственники как 1-й, так и 2-й степеней родства.

Уникальное двойное погребение из к.2 Ново-Ябалаклинского I могильника, отнесенное к нетипичным, выделяется не только единственным из всех рассматриваемых совместных захоронений случаем подчиненного положения одного погребенного относительно другого – девочка-подросток лежит в ногах взрослой женщины, но и наличием редкого металлоемкого украшения – нагрудника-накосника.

Единственное ярусное захоронение имеет черты II типа двойных погребений. Социальный статус покойников ничем не отмечен, что позволяет принять предположение В.В. Ткачева о ярусных погребениях, как об альтернативном способе совместных захоронений с переносом их в вертикальную плоскость, в виду диахронности наступления смерти¹.

В параграфе 3 «Совместные захоронения в срубно-алакульских могильниках» рассматриваются 27 совместных захоронения из 6 зауральских срубно-алакульских могильников. Из них 23 (85,2 %) двойных, 3 (11,1 %) тройных и 1 (3,7 %) коллективное. Из 19 двойных погребений, где определяется тип – к I типу относятся 7 (46,6%), ко II-му – 8 (53,3 %). В 8 (29,6 %) случаях тип двойного захоронения не определяется.

В погребениях I типа ярко выраженная «поза объятий» имеет различные вариации: предплечья и кисти погребенных переплетены (2), предплечье и кисть правой руки мужского костяка находятся в объятиях рук женщины (1), правая рука женского костяка обнимает мужской (1), женский костяк обеими руками обнимает мужской (1). Положение ног имеет варианты: 1) кости ног погребенных «переплетены», т.е. ноги

¹ Ткачев В.В. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – С. 93.

последовательно лежат одна на другой – 2 (28,6 %), 2) колени мужского костяка частично перекрывают колени женского – 1 (14,3 %), 3) колени женского костяка частично перекрывают колени мужского – 1 (14,3 %), 4) кости ног мужского костяка между костями ног женского – 1 (14,3 %), 5) кости ног женского костяка коленями на бедрах мужского – 2 (28,6 %). Такое положение усопших подтверждает интерпретацию их как супружеских пар. Расположение большинства захоронений вне центра подкурганной площадки и скромный сопроводительный инвентарь не позволяет говорить об особом статусе покойных из рассматриваемых захоронений. Постановка сосудов – над головой и за головой усопших демонстрирует смешение срубных и алакульских традиций.

Из погребений типа II – 3 (37,5 %) взрослых (IIa1), 4 (50 %) детских (IIa3) и 1 (12,5 %) взрослого с ребенком (IIb1). В их обряде наблюдается значительное сходство с подобными захоронениями из срубных могильников.

Все 3 тройных захоронения – детские, расположенные на периферийных участках погребальных площадок. Они относятся ко II типу.

Одно коллективное погребение содержало 4 детских костяка. В одной яме находятся как бы два двойных погребения – западные костяки образуют парное погребение I типа, а восточные – двойное погребение типа II a3.

Таким образом, среди совместных захоронений из могильников срубной культуры фиксируется значительное преобладание двойных погребений II типа, а подавляющее большинство двойных захоронений I типа имеет алакульские черты. В срубно-алакульских могильниках также подавляющее большинство среди совместных захоронений составляют двойные погребения, однако, оба выделенных типа имеют примерно равную представленность.

Третья глава «Совместные погребения в алакульских могильниках Южного Урала» состоит из 3 параграфов. В ней рассматриваются 93 совместных погребения из алакульских могильников Южного Урала и 2 инокультурных погребения.

Параграф 1 «Совместные захоронения в раннеалакульских могильниках» посвящен анализу 9-ти совместных захоронений из раннеалакульских могильников. Из них 6 (66,6 %) двойных, 3 (33,3 %) коллективных. Среди двойных захоронений – 2 захоронения I типа, 2 – II типа (по одному IIa1 и IIb1), 1 захоронение нетипичное, 1 отнесено к неопределенным.

Погребения I типа занимали положение в центральной части подкурганных площадок, взрослые разнополюе покойные находились в «позе объятий», сопровождалась престижным инвентарем – оружием, украшениями. Захоронения II типа располагались также в центре подкурганных площадок. Среди них выделяется погребение взрослых мужчин из Восточно-Курайли I. Можно согласиться с В.В.Ткачевым, интерпретирующим его как захоронение архаических лидеров, о подчиненности одного из них другому говорить не приходится. Довольно сложный ритуал в нетипичном двойном захоронении обожженных черепов говорит о его семантической насыщенности.

Все раннеалакульские коллективные погребения имели в своем составе разнополюю пару, в которой покойные лежали лицом друг к другу. Можно говорить о том, что эти пары являлись основными погребенными, а остальные покойные не имели равного(?) с ними статуса. Очевидна связь этих погребений с традицией совместных захоронений синташтинского времени, в которых также известны захоронения разнополых пар, сопровождавшиеся дополнительными костяками. Имеются основания предполагать формирование устойчивой традиции парных захоронений в синташтинской и раннеалакульской среде.

В параграфе 2 «Совместные захоронения в алакульских могильниках развитого периода» рассматриваются 82 совместных захоронения, из которых – 67 (81,7 %) с двумя костяками, 9 (10,9 %) – с тремя, одно (1,3 %) – коллективное (4 усопших) и 5 (6,1%) ярусных погребений (количество захороненных от 2-х до 3-х).

Из 67 погребений с двумя костяками 36 (53,7 %) относятся к I типу, 5 (7,4 %) ко II-му, 2 (3 %) неординарных захоронения невозможно отнести к какому-либо типу, они описываются как нетипичные, и в 24 (35,8 %) нарушенных тип не определяется.

Подавляющее большинство захоронений I типа – 28 (77,7 %) размещалось в центральной части погребальной площадки, в них находились преимущественно взрослые индивиды. Всего 8 (22,2 %) детских и подростковых могил располагались на периферийных участках. Большинство погребений одновременны – 29 (80,5 %), но имеются и разновременные – 7 (19,4 %). Среди последних преобладают те, в которых женщина подхоронена в могилу к погребенному ранее мужчине – 4 (57,1 %), в 3-х (42,8 %) случаях наблюдается обратная ситуация. Можно выделить 3 временных интервала между захоронением и подхоронением: 1) минимальный период, когда останки первоначально погребенных находились в сочлененном состоянии и в

относительном порядке; 2) более продолжительный промежуток достаточный для того, чтобы сочленения суставов разложились; 3) значительный промежуток времени, по истечении которого останки были скелетированы.

В захоронениях I типа находились, как правило, разнополюе погребения. По сочетанию возраста усопших в захоронениях можно выделить несколько групп: 1) оба усопших принадлежат к взрослой возрастной группе – 14 погребений (38,9 %); 2) совместные захоронения подростков представлены в 9-ти случаях (25 %); 3) детские – в 6-ти (16,6 %); 4) смешанная группа насчитывает 7 погребений (19,4 %): 5 – взрослого и подростка, 2 – взрослого и ребенка. В последней группе захоронений взрослым являлся мужской костяк, одно исключение, когда взрослый костяк был женским (огр.48 Тасты-Бутак I).

Положение рук и ног покойных демонстрирует «позу объятий». Как женские костяки руками обнимали мужские, так и мужские женские. В положении ног погребенных можно выделить 4 позиции: 1) согнутые в коленях ноги одного из костяков перекрывают также согнутые в коленях ноги другого; 2) ноги одного из костяков находятся на коленях другого; 3) ноги обоих костяков «переплетены» (по одной ноге каждого костяка находится между ног другого); 4) ноги одного костяка между ног другого.

Достаточно высокий процент женщин, сопровождавшихся украшениями в парных погребениях, как в одновременных, так и в разновременных, может свидетельствовать о довольно высоком их статусе, причем существенной его разницы между возрастными группами (девочки, девушки, женщины), видимо, не существовало. Вывод исследователей прошлого о пониженном статусе женщин из парных захоронений, не подтверждается. Мужские костяки крайне редко имели поломаркирующий инвентарь.

Двойные погребения II типа представлены 3-мя захоронениями детей (II а3) и 2-мя захоронениями взрослого и ребенка (II б1). Налицо картина обратная той, что наблюдается при рассмотрении двойных погребений срубной культуры. У алакульцев погребения I типа значительно, более чем в 7 раз, преобладают над погребениями II типа.

К нетипичным отнесены 2 двойных захоронения из к.10 Ветлянки IV. Длинные могилы производят впечатление двух одиночных погребений, соединенных между собой в головных частях. При повороте на 180 градусов происходит полное «взаимозамещение» покойных и их инвентаря. В данных погребениях можно предполагать воплощение каких-то бинарных оппозиций (мужской-женский, правое-

левое и т.п.), бытовавших в социальной и духовной жизни общества позднебронзовой эпохи.

Тройных захоронений – 9, среди них имеются погребения как I-го, так и II-го типов.

Ярусных погребений – 5, в 3-х из них захоронены взрослые, в 2-х – взрослый с ребенком. Захоронения нижнего яруса взрослых ярусных погребений более богаты инвентарем. Наличие следов декапитации и расчленения в ярусных погребениях взрослых, свидетельствуют о высокой семантической нагрузке данных захоронений.

Известно всего 1 коллективное захоронение – п. 7 к.9 Ветлянки IV, сопоставимое с нетипичными парными погребениями из этого же могильника.

В параграфе 3 «Федоровское и черкаскульско-срубно-алакульское совместные захоронения» рассматриваются два инокультурных совместных захоронения. В обоих из них нашли отражение представления, близкие тем, что вызвали существование двойных захоронений в срубной и алакульской культурах.

Таким образом, среди совместных захоронений, представленных в алакульской культуре фиксируется несомненное преобладание двойных погребений, подавляющее большинство из которых составляют захоронения I типа, генезис которых уходит корнями в предшествующую эпоху (ПБВ-1). В них нашли яркое отражение связывающие покойных супружеские отношения.

В *заключении* обобщаются результаты проделанной работы. В первую очередь проведенное исследование позволило установить соотношение типов совместных захоронений в культурно-хронологических группах поздней бронзы южного Урала. Среди совместных погребений всех культурных групп преобладают двойные захоронения. Однако, представленность типов двойных захоронений различна. В срубной культуре преобладают двойные захоронения II типа, в то время как в алакульской фиксируется значительное преобладание захоронений I типа. В срубно-алакульских могильниках оба типа представлены равномерно. Доказано, что в основе почти всех совместных погребений лежат 2 типа. Один – «алакульский» – I тип, реализуемый не только в двойных (парных) и тройных погребениях, но и в коллективных. Второй – «срубный» – II тип, реализуемый в двойных, тройных и ярусных погребениях. Все погребения I типа в срубных могильниках имеют те или иные алакульские черты. В свою очередь, погребения II типа в раннеалакульских могильниках имеют срубные признаки.

В двойных захоронениях I типа, несомненно, находятся семейные, брачные (?) пары. В захоронениях типа II а могут находиться сиблинги, типа II б – мать+ребенок, отец+ребенок, ребенок+иной родственник, сиблинги. Без данных генетических экспертиз установление истины здесь невозможно.

Против насильственного умерщвления каких-то категорий людей при совершении неодионых погребений в эпоху поздней бронзы Южного Урала говорят следующие обстоятельства: 1) редкость этого явления, частота которого не выходит за пределы случайности, 2) предельная минимализация погребальной обрядности срубников и алакульцев, при которой нет места человеческим жертвоприношениям, 3) полное отсутствие фактов подчиненного положения каких-то категорий покойных относительно других.

По мнению автора, самой распространенной ситуацией для эпохи поздней бронзы Южного Урала, в результате которой возникали совместные одноактные погребения, являлось единовременное наступление смерти двух и более человек. Причины их смерти в огромном большинстве случаев, были, вероятно, вполне тривиальны.

Проведенная работа позволила определить ряд перспективных направлений в дальнейших исследованиях совместных погребений. Важно установить с какими факторами связаны выявленные различия в двух близких по происхождению срубной и алакульской культурах – с отличиями в мировоззренческой структуре, в семейной или общественной организации.

Исследование морфологии совместных погребений дает немало ценной информации о реалиях жизни срубных и алакульских коллективов эпохи поздней бронзы Южного Урала. Вместе с тем, необходимо отметить, что решение всего круга проблем, связанных с неодиоными погребениями требует совместных усилий специалистов многих гуманитарных и естественных наук, использования новых методик, повышения качества полевых и лабораторных исследований.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора

I. Публикации в ведущих рецензируемых изданиях, утвержденных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы / Я.В. Рафикова // Российская археология, 2008, № 4. – С. 72–83.

2. Рафикова Я.В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны южного Зауралья / Я.В. Рафикова // Вестник ЧелГУ, 2008, 18(119), История, Вып.25. – С. 5–13.

II. Публикации в иных изданиях:

1. Рафикова Я.В. Березовский V могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье / В.К. Федоров, Я.В. Рафикова // Башкирский край, Вып.6. – Уфа: НМРБ, 1996. – С. 49–71.

2. Рафикова Я.В. Раскопки курганов в Южном Зауралье / В.К. Федоров, Я.В. Рафикова // АО-1995. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 297–299.

3. Рафикова Я.В. Курганы Макан II в Башкирском Зауралье / Г.Н. Гарустович, Я.В. Рафикова // Уфимский археологический вестник, Вып. 3. – Уфа: НМРБ, 2001. – С. 94–103.

4. Рафикова Я.В. Возрастная характеристика погребального обряда алакульских племен Восточного Оренбуржья и Западного Казахстана / Я.В. Рафикова // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф 17–21 апр. 2001 г. – Оренбург, 2001. – С. 106–107.

5. Рафикова Я.В. К вопросу о погребальных памятниках эпохи поздней бронзы Магнитогорского района / Я.В. Рафикова // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – С. 327–333.

6. Рафикова Я.В. Разведки и охранные раскопки в Башкирском Зауралье / Я.В. Рафикова // АО-2000. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 179–180.

7. Рафикова Я.В. К вопросу о каменных конструкциях в срубно-алакульских погребальных памятниках Южного Зауралья / Я.В. Рафикова // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Мат. междунар. конф. 6-10 октября 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 98–100.

Рафикова Янина Валерьевна

СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано к печати .12.2008 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Гарнитура «Таймс». Бумага писчая. Отпечатано на ризографе.

Уч.-изд. л. 1,5. Усл. печ. л. 1,4. Тираж 700 экз. Заказ № 563. Цена договорная.

Издательство «Восточный университет»

Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ).

Типография издательства «Восточный университет»

450105, г. Уфа, ул. М.Рыльского, 9/1